

Анархия (памфлет)

Эррико Малатеста

1891

Анархия – это слово, которое пришло из греческого языка, и означает – строго говоря – «безвластие»: состояние людей без какой бы то ни было законной власти.

До того как подобная организация общества стала восприниматься в качестве возможной и желаемой целым классом мыслителей, таким образом, чтобы явиться целью движения (которое сейчас стало одним из наиболее важных факторов в современной социальной борьбе) слово «анархия» повсеместно использовалось в значении беспорядка и хаоса, и оно по-прежнему употребляется в этом значении несведущими людьми, а также ее противниками, заинтересованными в искажении правды.

Нам не следует пускаться в философские дискуссии, так как вопрос этот не философский, а исторический. Обычная интерпретация слова не дает неправильного представления о его истинном этимологическом значении, но отделяет от него — из-за предубеждения, согласно которому правительство является необходимым для организации социальной жизни, и таким образом, общество, лишённое правительства, должно быть предано хаосу и колебаться между бесконтрольным доминированием одних и слепой местью других.

Существование этого предубеждения и его влияние на значение, которым публика наделила слово, могут быть легко объяснены.

Человек, как и все живые существа, адаптируется к условиям, в которых он живет, и передает свои приобретенные навыки по наследству. Таким образом, родившись и живя в неволе, будучи частью длинной цепи рабства, человечество, начав думать, обретает веру в то, что рабство – неотъемлемая часть его жизни, в то время как свобода кажется ему невозможной. Таким образом рабочий, веками принуждаемый зависеть от расположения своего начальника в отношении работы, а значит, и в отношении насущного хлеба, привыкший видеть свою жизнь в полном распоряжении тех, кому принадлежит земля и капитал, заканчивает верой в то, что существует некий господин, дарующий ему пищу, и простодушно задается вопросом, как было бы возможно жить, если бы над ним не было этого господина.

Аналогичным образом, человек, чьи конечности были бы связаны с рождения, но кто, тем не менее, научился бы прихрамывая передвигаться, мог бы приписывать этим самым путам, связывающим его, возможность двигаться, хотя, на самом

деле, вполне возможно, они бы, напротив, уменьшали и парализовывали энергию мускулов его конечностей.

Затем, если мы добавим к естественному эффекту привычки образование, данное ему господином, пастором, учителем и так далее, заинтересованными во внушении ему того, что начальник и правительство необходимы; если мы также добавим судью и полицейского, которые принуждают тех, кто думает иначе и может попробовать пропагандировать свое мнение – хранить молчание, то мы сможем понять как предубеждение о пользе и необходимости господ и правительств были установлены. Представьте, что врач представил абсолютно новую теорию с тысячей умело сделанных иллюстраций, чтобы убедить человека со связанными конечностями, что если их освободить, он бы только не смог не только нормально ходить, но и выжить. Человек бы стал яростно защищать свои биндажи и счел бы врагами всех, кто попытался бы их снять.

Таким образом, если существует вера в то, что правительство необходимо, и без него неизбежны беспорядок и хаос, естественно и логично полагать, что анархия, которая означает отсутствие правительства, должна также означать отсутствие порядка.

Этот факт имеет свою параллель в истории слов. В те эпохи и в тех странах, где люди полагали необходимым правление одного человека (монархию), слово «республика» (что означает «власть множества») использовалась именно в значении «анархия», воплощая в себе беспорядок и хаос. Следы этого значения слова по-прежнему обнаруживаются в самых употребляемых языках почти во всех странах.

Когда это мнение изменится, и общество убедят в том, что правительство не только не обязательно, но и крайне опасно, слово «анархия» — именно потому, что оно означает «отсутствие правительства» — станет равным выражениям «естественный порядок, гармония потребностей и интересов всех, полная свобода и полная солидарность».

Таким образом, те, кто считает, что анархисты неправильно выбрали свое имя, потому как оно ошибочно понято массами и ведет к ложной интерпретации, неправы. Ошибка исходит не от слова, а от бытия. Сложность, с которой столкнулись анархисты, распространяя свои взгляды, зависит не от имени, которое они себе дали, а от того факта, что их концепции бьют по закоренелым предубеждениям людей, касающимся функционирования правительства, или так называемого «государства».

Прежде чем двигаться дальше, мы считаем разумным объяснить это самое последнее слово («Государство»), которое, по нашему мнению, и является настоящей причиной большей части недопонимания.

Как правило, анархисты используют слово «Государство», чтобы объединить весь спектр институций: политических, законодательных, юридических, военных, финансовых и т.д., посредством которых ведение их собственных дел, руководство их собственным поведением и обеспечение их собственной безопасности отделяются от людей и ограничиваются определенными индивидами, которые – в свою очередь – посредством узурпации или делегации, получают право на принятие всеобъемлющих законов для всех, а также принуждают общество их уважать, доводя использование коллективной силы сообщества до предела.

В этом случае «Государство» означает «правительство», или, если вам так больше нравится, это абстрактное выражение, персонификацией которого является правительство. В этом случае выражения в духе «Ликвидация государства» или «Общество без государства» полностью соотносятся с концепцией разрушения каждой политической институции, основанной на власти, и основания свободного и равного общества, основанного на гармонии интересов и всеобщем добровольном участии в удовлетворении социальных нужд, которую хотят выразить анархисты.

Тем не менее, у слова «Государство» есть и множество других значений, некоторые из которых приспособились к неверному толкованию, особенно будучи использованными людьми, чей печальный социальный статус не оставляет им свободного времени для того, чтобы привыкнуть к изысканной исключительности научного языка; или – что еще хуже – будучи адаптированными нашими противниками, заинтересованными в запутывании смысла или не желающими его понять. Таким образом, слово «Государство» довольно часто используется для обозначения любого заданного общества, или группы людей, объединенных заданной территорией и образующих так называемый «общественный союз», независимо от того, каким образом формируется заданная группа и каковы отношения между ее членами. «Государство» также часто используется просто как синоним слова «общество». Основываясь на этих двух определениях слова, наши противники верят, или скорее – делают вид, что верят в то, что анархисты хотят уничтожить всякого рода социальные связи и коллективный труд, сведя состояние человека к изоляции, то есть, состоянию худшему, чем дикость.

Опять же, под словом «Государство» понимается только высшее руководство страны, центральная власть, как отделенная от власти местной и общинной, а следовательно, другие считают, что анархисты всего навсего хотят децентрализации власти, оставляя нетронутым сам принцип правительства, и таким образом, смешивают анархию с кантоническим или коммунистическим правительствами.

Наконец, «Государство» обозначает «состояние, образ жизни, порядок общественной жизни, и т.д.», и таким образом, мы говорим, например, что необходимо изменение экономического состояния рабочих классов, или что анархическое государство – это единственное государство, основанное на принципах солидарности и другие подобные фразы. Таким образом, если мы также (уже в другом смысле) говорим о том, что хотим ликвидировать государство, сначала наши слова могут показаться абсурдными и противоречащими друг другу.

Именно по этим причинам, мы считаем, что использовать такое выражение как «ликвидация государства» нужно как можно реже, а вместо этого – заменить его на другое, более ясное, более конкретное выражение – «ликвидация правительства».

Последнее станет выражением, используемым в ходе написания этого эссе.

Как мы уже сказали, анархия есть общество без правительства. Но является ли упразднение правительства возможным, желанным, разумным? Посмотрим.

Что есть правительство? Есть такое психическое заболевание, которое называется «склонность к метафизике», которое после того как человек путем логического процесса отделил свойство от объекта, вызывает у него своего рода галлюцинацию, заставляющую его воспринимать абстрактное как нечто реально существующее. Эта склонность к метафизике, вопреки многочисленным прорывам позитивных

наук, по-прежнему имеет глубокие корни в умах большинства наших современников. Влияние ее настолько глубоко, что многие считают правительство реальной сущностью, с определенными заданными атрибутами разума, справедливости, беспристрастности, независимыми от людей, входящих в его состав.

Для тех, кто думает подобным образом, правительство, или Государство, есть абстрактная общественная сила, и оно представляет – всегда абстрактно – некий общий интерес. Оно есть выражение прав всех и считается ограниченным правами каждого. Это понимание правительства поддерживается теми заинтересованными лицами, для которых сохранение принципа власти, его выживание вопреки всем проступкам и ошибкам обладающих властью людей есть насущная необходимость.

Для нас правительство есть скопление правителей, а эти правители – короли, президенты, министры, члены парламента, и мало ли кто еще есть те, кто обладает властью принимать законы, регулирующие отношения между людьми, и принуждать повиноваться этим законам. Они – те, кто принимает решения и собирает налоги, усиливают военные войска, судят и наказывают нарушителей законов. Они подчиняют людей правилам, контролируют и санкционируют личные соглашения. Они монополизировали определенные отрасли продукции и общественных служб, или – если они захотят – все производство и все общественные службы. Они продвигают обмен товарами или препятствуют ему. Они начинают войну или заключают мир с правительствами других стран. Они признают свободную торговлю или препятствуют ей, это же касается многих других вещей. Одним словом, правители – это те, кто обладают властью в большей или меньшей степени, чтобы использовать коллективную силу общества, то есть, физическую, интеллектуальную и экономическую силу всех, принудить всех к исполнению их (правителей) воли. И эти правители, по нашему мнению, формирует сам принцип государства и власти.

Но в чем причина существования правительства?

Зачем отказываться от собственной свободы, собственной способности к самостоятельным действиям в пользу других людей? Зачем давать им возможность становиться господами, с согласия каждого или без него, использовать силы всех в своих личных целях? Неужели правители – настолько одаренные люди, что это дает им право – хоть как-то обоснованное – представлять массы и действовать в интересах всех людей лучше, чем могли бы это сделать сами люди? Неужели они настолько непогрешимы и неподкупны, что мы можем доверить им себя, с неким подобием благоразумия, судьбу каждого и всех, доверяя их знанию и добродетелям?

И даже если бы существовали люди, обладающие безграничной добродетелью и знанием, даже если мы предположим, что то, что никогда не случилось на протяжении истории, и что, как нам кажется, никогда не могло случиться, а именно то, что правительство могло бы передать свои права самым способным и самым лучшим, добавило ли бы обладание властью что-либо их благотворному влиянию? Или напротив, парализовало и разрушило его? Ибо те, кто правит, считают необходимым заниматься вещами, которые им непонятны и – более того – тратят большую часть их энергии на удержание своей власти, одержимые желанием удовлетворять потребности себя и своих друзей, держа недовольных под контролем и приручая бунтовщиков.

Опять же, будь правители хорошими или плохими, мудрыми или невежественными, как они добиваются власти? По праву, через войну, завоевание или революцию? Если так, то что гарантирует народу их добрые намерения? В этом случае это лишь вопрос узурпации, а если субъекты недовольны, им ничего не остается, кроме как скинуть ярмо и взяться за оружие. Избираются ли правители определенным классом или партией? Если это так, то идеи и интересы этого класса или партии одержат победу, в то время как желания и интересы других будут принесены в жертву. Избираются ли они всеобщим голосованием? Сейчас цифры являются единственным критерием, и очевидно, что цифры не могут являться доказательством ни разума, ни справедливости, ни правоспособности. Путем всеобщего голосования избираются те, кто лучше других знает, как завоевать массы. Меньшинство, которому может не хватить лишь одного человека, приносится в жертву. Более того, как показывает опыт, невозможно создать электоральную систему, которая действительно гарантирует выбор большинства.

Люди пытались найти множество разнообразных теорий для оправдания существования правительства. Тем не менее, все они основаны – признается это или нет – на том предположении, что члены общества имеют противоположные интересы, и что внешняя верховная власть необходима для принуждения одних следовать интересам других, путем предписывания и навязывания правил поведения, согласно которым каждый может получить максимум удовлетворения при минимальных затратах. Если, как говорят сторонники авторитарной школы, интересы, стремления и желания одного индивида противоречат интересам другого индивида или даже всего общества, кому достанется право и власть принудить одного из них уважать интересы другого или других? Кто будет в состоянии предотвратить нарушение общей воли отдельно взятым гражданином? Границей свободы каждого, говорят они, является свобода других; но кто установит эти границы, и кто гарантирует их неприкосновенность? Естественный антагонизм интересов и страстей рождает необходимость правительства и оправдывает власть. Власть вклинивается в этот процесс в качестве модератора социальной борьбы и определяет границы прав и обязанностей для каждого.

Это теория, но дабы не оставаться пустым звуком, теория должна быть основана на объяснении фактов. Мы хорошо знаем, что социально-экономические теории слишком часто изобретаются для оправдания фактов, то есть, для того чтобы защитить привилегии и склонить их жертв к смиренному принятию ситуации. А теперь посмотрим на эти факты самостоятельно.

В течение всего хода истории – и настоящее время не исключение – правительство было либо бесчеловечно, либо жестоко, доминирование меньшинства над большинством – деспотично. А может, это лишь инструмент, разработанный для того, чтобы обеспечить доминирование и привилегии того, кто силой, хитростью или пользуясь своим правом наследования присвоил себе все средства существования, в первую очередь, землю, за счет чего держит людей в подчинении, заставляя их работать для собственного обогащения?

Правительства подавляют человечество двумя способами: либо прямо, используя грубую силу, то есть, физическое насилие, либо косвенно, лишая их средств к существованию и таким образом делая их беспомощными. Политическая власть была

порождена первым методом; экономические привилегии растут из второго. Правители также могут подавлять человека, спекулируя на его эмоциональной жизни, и этот способ составляет религиозную власть. Нет никакой причины для пропаганды религиозных предрассудков, кроме той, что они защищают и объединяют политические и экономические привилегии.

В примитивном обществе, когда мир был населен не так густо как сейчас, и социальные отношения были менее сложными, если какое-то обстоятельство препятствовало формированию привычек и обычаев солидарности или разрушало те, что уже существовали, и устанавливало доминирование одного человека над другим, две силы – политическая и экономическая – объединялись в одних руках, часто – в руках одного человека. Те, кто силой завоевывал и ослаблял других, принуждал людей становиться слугами и потакать всем их капризам. Победители были одновременно владельцами, законодателями и палачами.

Но с ростом популяции, а также ростом потребностей, с усложнением социальных отношений затянувшаяся цепь подобного рода деспотизма стала невозможной. Для своей собственной безопасности правители, зачастую против своей воли, были принуждены зависеть от привилегированного класса, а значит, от некоторого числа разделяющих их интересы индивидов, помимо этого, они были вынуждены наделять каждого из этих индивидов средствами к существованию и поддержкой. Тем не менее, они сохраняли за собой право использовать и эксплуатировать всех согласно их собственному удобству и таким образом удовлетворять их королевское тщеславие. Таким образом, частная собственность развилась в тени правящей силы, с целью ее поддержки и – часто бессознательно – как ее соучастник. Класс собственников возник и мало-помалу концентрируя в своих руках все средства производства – истинный источник жизни – сельское хозяйство, промышленность и обмен, – стал самодостаточной силой. Эта сила, вследствие превосходства их методов воздействия, а также огромного количества контролируемых ими интересов, всегда заканчивала более или менее открытым подчинением политической власти, то есть, правительства, которое она превращала в своего стража.

Этот феномен многократно повторялся в истории. Каждый раз когда путем военного вмешательства физическая грубая сила овладевала господством над обществом, завоеватели демонстрировали тенденцию к концентрированию власти и собственности в их собственных руках. Тем не менее, в связи с тем что правительство не в состоянии следить за производством материальных благ, а также контролировать и направлять все, оно вынуждено располагать к себе класс власть имущих, таким образом снова вводя частную собственность. Что, в свою очередь, приводит к выделению двух общественных групп, а именно, людей, которые контролируют коллективную силу общества, и собственников, от которых глубоко зависимы сами правители, потому как собственники командуют ресурсами так называемой коллективной силы.

Никогда прежде это положение дел не было так акцентировано как сейчас. Развитие производства, невероятное расширение торговли, громадная власть, которую приобрели деньги и все экономические последствия открытия Америки, изобретение машин и т.д. обезопасили превосходство капиталистического класса, который более не довольствуется доверием к правительству, и стремится к тому, чтобы правительство состояло из его собственных представителей, постоянно им контро-

лируемое и организованное специально с целью его защиты от возможной мести обделенных. Таково происхождение современной парламентарной системы.

Сегодня правительство состоит из собственников или людей, настолько полно находящихся под их влиянием, что самые богатые даже не утруждают себя тем, чтобы принимать в его делах активное участие. Ротшильд, например, не нуждается в том, чтобы быть членом парламента или министром, ему вполне достаточно сделать так, чтобы члены парламента и министры оказались зависимы от него.

Во многих странах пролетариат номинально участвует в выборах правительства. Это уступка, на которую пошла буржуазия (то есть, собственники), либо чтобы обеспечить себя поддержкой большинства в соперничестве с королевской или аристократической властью, либо чтобы отвлечь внимание людей от их собственной эмансипации, наделяя их мнимой долей политического влияния. Но предвидела это буржуазия или нет, когда она впервые дала людям право на голосование, в действительности, оно обернулось пародией, служащей лишь для того, чтобы укрепить ее власть, и дающей иллюзорную надежду на приход к власти лишь самых активных представителей пролетариата.

Так и со всеобщим избирательным правом, можно даже сказать, в особенности, со всеобщим избирательным правом — правительство остается слугой и защитником буржуазного класса. Как могло бы быть иначе? Если бы правительство дошло до состояния враждебности, если бы надежда на демократию стала не более чем иллюзией, вводящей людей в заблуждение, класс собственников, почувствовав угрозу своим интересам, немедленно бы восстал и использовал все свои силы и влияние, полученные им благодаря обладанию собственностью, чтобы сократить функции правительства до полицейских.

Во все времена и во всем мире неважно, какое имя выбирает для себя правительство и каково его происхождение, организация, — его главной функцией остается угнетение и эксплуатирование масс и защита угнетателей и эксплуататоров. Его главная характеристика и неперенные инструменты — это полиция и сборщики налогов, солдаты и тюрьма. К этому непременно добавляется наличие священников или учителей, которые, поддерживаемые и защищаемые правительством, существуют для того, чтобы превратить человеческий дух в подобострастный и сделать людей покорными рабами.

Естественно, с течением времени помимо этой первостепенной миссии к основной отрасли правительственной деятельности были добавлены и другие ведомства. Мы даже признаем, что никогда или почти никогда правительство не существовало в стране, возникшей без примеси функций угнетения и эксплуатации других — полезных и необходимых для социальной жизни. Но этот факт, тем не менее, подтверждает, что правительство по своей природе есть средство эксплуатации, и его судьба — быть защитой доминирующего класса, таким образом подтверждая и приумножая зло его доминирования.

Правительство осуществляет функцию защиты более или менее активно в отношении прямых и грубых атак на жизнь граждан, признает и легализует некоторую часть прав, примитивных традиций и привычек, без которых невозможна жизнь в обществе. Оно организует и управляет рядом социальных служб, таких как почта, здравоохранение, благотворительные организации, тюрьмы и т.д., и выдает себя

за защитника и благодетеля бедных и слабых. Но для того, чтобы доказать нашу точку зрения достаточно заметить, как и почему оно выполняет эти функции. В действительности все, за что берется правительство инспирировано духом доминирования и рассчитано на то, чтобы защищать, приумножать и сохранять привилегии собственности и тех классов, представителем и защитником которых является правительство.

Правительство ни дня не может управлять государством, не пряча свою истинную натуру под маской всеобщей необходимости. Оно не может уважать жизни привилегированных граждан, не делая вид, что заботится о жизнях всех. Оно не может обеспечить принятие привилегий одних, не притворяясь хранителем общих прав. «Закон» (и, конечно, те, кто делают его законом, то есть, правительство) «использует», — как говорит Кропоткин, — «социальные чувства человека, перерабатывая их в правила морали, которые человек принимает совместно с договоренностями, выгодными меньшинству – эксплуататорам – и противоречащими интересам тех, кто мог бы взбунтоваться, если бы все это не оправдывалось некой моральной основой».

Правительство не может желать разрушения общества, так как если это произойдет, оно и доминирующий класс не смогут получать доход от эксплуатации; правительство также не может позволить обществу самому заниматься своими делами, так как в этом случае люди очень быстро выяснят, что оно (правительство) было необходимо по одной единственной причине — для защиты класса собственников, которые и доводят их до нищеты, и тогда люди поторопятся избавиться как от правительства, так и от класса собственников.

Сегодня перед лицом непрекращающихся и устрашающих требований пролетариата, правительства склонны вмешиваться в отношения между работодателями и работниками. Таким образом они пытаются остановить трудовое движение и путем введения иллюзорных реформ затруднить попытки слабых взять то, что принадлежит им по праву, в частности, равную долю того хорошего в жизни, чем наслаждаются остальные.

Мы также должны помнить о том, что, с одной стороны, буржуазия, то есть, класс собственников воюет между собой и постоянно уничтожает друг друга, и что, с другой стороны, правительство, также состоящее из буржуазии и действующее как ее слуга и защитник, тоже – как и всякий слуга или защитник – постоянно пытается освободиться и господствовать над ней. Таким образом, эта неустойчивая игра, эти колебание между потерей и возвращением, этот поиск союзников среди народа против классов и среди классов против масс, формируют науку правления и ослепляют простодушных и флегматичных, тех, кто всегда ожидает спасения, снисходящего на них сверху.

Принимая все это во внимание, можно сделать вывод о том, что правительство не меняет своей натуры. Если оно действует в роли регулировщика и гаранта прав и обязанностей каждого, то оно извращает чувство справедливости. Оно оправдывает нечестное и наказывает за каждое действие, оскорбляющее или ставящее под угрозу привилегии правителей и собственников. Оно объявляет справедливой и легальной самую жестокую эксплуатацию несчастных, что фактически означает их медленное и непрерывное физическое, а также моральное убийство, совершаемое теми, кто обманывает тех, у кого ничего нет. И снова если оно обеспечивает обществен-

ные услуги, оно всегда ориентируется на интересы правителей и собственников, не обращая внимания на интересы рабочих масс, разве что в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы массы были готовы продолжать платить налоги. Если оно отдает приказы, оно сковывает и урезает правду, и стремится подготовить умы и сердца молодых людей к тому, чтобы они стали либо безжалостными тиранами, либо покорными рабами, согласно классу, к которому они принадлежат. В руках правительства все становится орудием эксплуатации, все служит полицейской мерой, полезной для сохранения контроля над людьми. Так и должно быть. Если жизнь человечества состоит в борьбе человека с человеком, естественно, что должны быть победители и побежденные, и правительство, которое является средством обеспечения безопасности и сохранения результатов триумфа победивших, конечно, никогда не будет делиться ими с теми, кто проиграл. Неважно, будет борьба вестись на уровне физического и интеллектуального противостояния или в экономической сфере. А те, кто боролся за то, чтобы сохранить для себя условия лучшие, чем могут позволить себе другие, за то, чтобы получить привилегии и добавить к власти полное доминирование, и добились успеха, конечно, никогда не будут использовать все это для защиты прав покоренных и ограничения власти – собственной, а также своих друзей и сторонников.

Правительство – или Государство, если вам угодно, – как судья, арбитр в социальной борьбе, беспристрастный администратор общественных интересов – это ложь, иллюзия, утопия, которая никогда не была и не будет реализована. Если на самом деле интересы людей всегда должны противоречить друг другу, если действительно борьба между людьми сделала законы необходимыми для человеческого общества, и свобода индивида должна быть ограничена свободой других индивидов, тогда каждый всегда будет стремиться к первенству своих интересов по отношению к остальным. Каждый из всех сил будет стремиться к тому, чтобы расширить границы собственной свободы за счет свободы других, и будет существовать правительство. Не только потому, что иметь правительство более или менее полезно для цельности общества, но и потому что победители захотят защитить плоды своей победы. Затем они захотят подчинить покоренных и освободить себя от бремени постоянного ожидания нападения, и назначат особенно приспособленных для этого людей на должность полицейских. Если бы все действительно было так, то человечеству было бы уготовано погибнуть среди периодического противоборства тирании доминирующих и бунтов побежденных.

Но, к счастью, будущее человечества счастливее, потому как правящий закон более мягок.

Таким образом, в вековом противодействии между свободой и властью или, другими словами, между социальным равенством и социальными кастами, спорным вопросом являются не отношения между обществом и индивидом или рост частной независимости ценой потери социального контроля или наоборот. Скорее, этот вопрос связан с тем, как не дать одному человеку притеснять других, с тем, как дать каждому одинаковые права и одинаковую возможность действовать. Он связан с тем, как заменить инициативу меньшинства, которая непременно выливается в подавление остальных, инициативой большинства, которая должна естественным образом привести к всеобщей пользе. Одним словом, это всегда вопрос того, как положить

конец доминированию и эксплуатации человека человеком таким образом, чтобы все были заинтересованы в общем благе, и чтобы сила человека не была направлена на то, чтобы подавлять, бороться и притеснять других, а давала возможность личного развития; чтобы все старались взаимодействовать с другими людьми во имя большей пользы для всех.

Из того, что мы сказали, следует, что существование правительства (даже если принять гипотезу о том, что возможно существование идеального правительства, выдвигаемую авторитарными социалистами) вместо того, чтобы породить увеличение производительной силы, будет ее чрезвычайно уменьшать, потому что правительство будет отдавать инициативу в руки меньшинства. Оно даст этому меньшинству право делать все что угодно, естественно, не имея возможности наделить его знанием или пониманием происходящего.

В действительности, если законодательную деятельность и работу правительства избавить от того, что призвано защитить привилегированных, а также от того, что представляет желания исключительно привилегированного класса, не останется ничего кроме скопления отдельных должностных лиц. «Государство», — говорит Сисмонди, — «это всегда консервативная сила, которая санкционирует, регулирует и организует завоевания прогресса (и история свидетельствует о том, что это используется на благо самого правительства и других привилегированных классов), но никогда не иницирует их. Новые идеи всегда приходят снизу, зарождаются в основании общества, а затем, будучи обнародованными, получают оценку экспертов и растут. Но на своем пути они вынуждены всегда встречать и побеждать уже сформированные силы традиции, обычая, привилегии и заблуждения».

Для того, чтобы понять как общество могло бы существовать без правительства, достаточно на короткое время обратить наше внимание на то, что действительно происходит в современном обществе. Мы должны увидеть, что в действительности сегодня самые важные функции выполняются вне вмешательства правительства. А также то, что правительство вмешивается в происходящее исключительно с целью эксплуатации масс, или защиты привилегированного класса, или, наконец, для санкционирования (как правило ненужного) всего того, что было сделано без его помощи, часто — вопреки или в рамках сопротивления ему. Люди работают, производят обмен, учатся, путешествуют, следуют современным правилам морали или гигиены так, как считают нужным; они извлекают пользу из прогресса науки и искусства, имеют бесчисленное количество общих интересов, не чувствуя ни малейшей потребности в том, чтобы кто-то указывал им на то, как себя вести в отношении всех этих вопросов. Напротив, именно эти вещи, свободные от вмешательства правительства, процветают и приводят к сокращению разногласий, будучи бессознательно приспособленными к желаниям всех таким образом, чтобы быть наиболее полезными и приемлемыми для всех.

В правительстве также нет необходимости для организации масштабных предприятий или общественных служб, которые требуют постоянного сотрудничества множества людей, представляющих различные социальные группы и страны. Тысячи таких предприятий даже сейчас являются результатом труда добровольно сформированных союзов. И по всеобщему признанию именно такие предприятия преуспевают больше остальных. Это не относится к капиталистическим ассоциациям, организо-

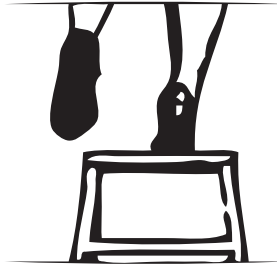
ванным путем эксплуатации, хотя даже они демонстрируют возможности и силы свободного союза, который может разрастаться до тех пор, пока не охватит людей всех стран, не включит в себя самые широкие и разнообразные интересы. Скорее, мы говорим о тех союзах, которые вдохновляются человеколюбием, или страстью к знаниям, или просто желанием заниматься приятным делом и получать похвалу, потому как они гораздо лучше представляют те собрания, которые будут существовать в обществе, где частная собственность и бесконечная борьба между людьми будут уничтожены, где каждый найдет интересы, совместимые с интересами каждого из других членов общества, а также величайшее удовлетворение в том, чтобы делать добро и радовать остальных. Научные сообщества и конгрессы, международная спасательная шлюпка и ассоциации «Красного креста», союзы рабочих, общества мира, добровольцы, которые спешат на помощь каждый раз, когда случается катастрофа: все они – среди тысяч таких же – являются примерами того, как сила союзного духа всегда проявляется тогда, когда возникает нужда или воодушевление охватывает людей, и средства не подводят их. Виной тому, что эти добровольные союзы не покрывают весь мир и не охватывают каждую ветвь материальной и духовной деятельности, являются препятствия, которые ставят на их пути правительства, конфликты, порождаемые наличием частной собственности, а также беспомощность и деградация, к которым привела большую часть человечества монополизация материальных ценностей меньшинством.

Правительство, к примеру, осуществляет контроль над почтой и телеграфом. Но каким образом оно действительно содействует им? В тот момент, когда люди почувствуют потребность в этих службах они подумают о том, как организовать их, и человеку с необходимыми техническими знаниями не придется получать сертификат от правительства, чтобы иметь возможность приступить к работе. Чем более повсеместной и срочной будет необходимость – тем больше добровольцев предложат свои услуги для решения проблемы. Смогут ли люди добывать и распределять пищу? Бояться нечего – они не умрут от голода в ожидании принятия соответствующего закона от правительства. Где бы не существовало правительство, оно должно дожидаться момента, когда люди организуют все необходимое, а затем прийти со своими законами, чтобы санкционировать и эксплуатировать то, что было сделано до него. Очевидно, что частный интерес – прекрасный мотив для любой деятельности. Поэтому когда всеобщий интерес становится интересом каждого (и это непременно будет так, как только будет уничтожена частная собственность), активны будут все. Если сейчас они готовы работать во имя интересов меньшинства, то насколько больше и лучше они будут работать, чтобы удовлетворить всеобщие нужды. Сложно понять, как кто-либо может верить в то, что социальные услуги, необходимые для жизни общества, могут быть защищены правительством лучше, чем самими производящими людьми, которые исходя из собственного выбора или соглашения с другими, предоставляют их под контролем самих заинтересованных.

Конечно, в каждом коллективе, отвечающем за большой объем работ, необходимо разделение труда, техническое руководство, администрация и т.д. Но сторонники авторитаризма всего-навсего играют словами, когда делают вывод о том, что существование правительства обосновано реальной необходимостью организации труда. Мы должны повторить, что правительство есть всего лишь собрание индивидов,

которые получили или захватили право или средства для того, чтобы устанавливать законы и принуждать людей подчиняться им. Управляющие, инженеры и т.д., с другой стороны, это люди, принимающие или берущие на себя ответственность за определенную работу. Правительство подразумевает делегирование полномочий, то есть, передачу инициативы и независимости всех в руки меньшинства. Администрирование предполагает делегирование работы, то есть, свободный обмен услугами, основанный на свободном соглашении.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эррико Малатеста
Анархия (памфлет)
1891

Скопировано 11 декабря 2014 года с <http://www.libfront.org/2013/malatesta1>

ru.theanarchistlibrary.org